

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

К.В. Анисимов

**МЕЖДУ ТОБОЛЬСКОМ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ:
ИЗ ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
РАННЕЙ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(П.А. СЛОВЦОВ И/С. Г.И. СПАССКИЙ)**

Прослеживается становление художественных стратегий описания Сибири в русской литературе начала XIX в. В качестве основного материала привлечено печатное и рукописное наследие П.А. Словцова и Г.И. Спасского – крупнейших русских востоковедов начала столетия. Делается вывод о принципиальном, эстетически и мировоззренчески обусловленном универсализме литературной деятельности П.А. Словцова.

Ключевые слова: *Русская литература Сибири, идентичность, эстетика, поэтика.*

Ю.М. Лотман справедливо полагал, что по характеру своей литературной деятельности в 90-х гг. XVIII столетия Словцов-поэт принадлежал к особой генерации стихотворцев, определивших своим творчеством ключевой для русской литературной истории период – 1790–1810-е гг. Примечательно, что речь идет именно о *поколении* писателей, а не о каком-то доминирующем типе поэтики: не очень заметные литераторы этой поры своими разрозненными, ученическими усилиями участвовали тем не менее «в резком подъеме среднего уровня духовной жизни» [1. С. 329], пришедшемся на рубеж веков. Одной из особенностей литературного движения этих лет, исподволь готовившего появление крупнейших фигур 20–30-х гг., было усиление интереса к изящной словесности «в образованных недворянских кругах», располагавших «органической» связью «с церковной культурой» [1. С. 355]. Именно эта социокультурная среда сформировала П.А. Словцова и обусловила важные особенности его текстов – как относящихся к концу столетия, так и тех, которые будут созданы много лет спустя. При этом она не исключила усвоение молодым писателем передовых идей времени, отразившихся в решающих для литературного и биографического опыта Словцова тобольских проповедях 1793 г., которые, по замечанию Ю.М. Лотмана, «несут на себе бесспорный след знакомства с идеями Руссо и Радищева» [2. С. 430], а также в оде «Древность», написанной между 1793 и 1796 гг. и некоторое время назад даже атрибутировавшейся А.Н. Радищеву.

Другой составляющей культурного облика П.А. Словцова было его сибирско-уральское происхождение и практически безвыездное с весны 1808 г. пребывание на восточных окраинах империи. Выдворение Словцова из Петербурга «в штат сибирского генерал-губернатора» [3. Ед. хр. 5. Л. 2 об. – 3; 3 об.] не имело под собой идеологических оснований (чиновник министерства

коммерции Словцов был облыжно обвинен в коррупции), однако несправедливость репрессий, конфликт молодого литератора как с петербургским официозом, так и с тобольским обществом, один раз, в 1794 г., уже отправившим его в руки Тайной экспедиции, сделало биографию поэта слегка «облегченной» версией судьбы А.Н. Радищева и – в перспективе – декабристов. Противоречивое сочетание участи ссыльного, предпринявшего множество попыток вырваться из Сибири, с самоощущением местного уроженца, изменившего поэтической музе в пользу тщательного наукообразного воспроизведения природных и исторических реалий своего края, при этом первым поднявшего странный по тем временам вопрос о местной литературе, заставляет уделить эстетическим приоритетам П.А. Словцова самое пристальное внимание. Осознавая, что в рамках небольшой статьи решить эту проблему во всей ее полноте невозможно, мы постараемся осветить лишь один из множества ее аспектов.

Прожив в Сибири до самой смерти, последовавшей в 1843 г., Словцов сумел сделатья одной из крупнейших фигур русского востоковедения первой половины XIX в. Рядом с ним – особенно в вопросах изучения Сибири – можно поставить только издателя журналов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник» Г.И. Спасского. Обоих ученых, никогда не встречавшихся, связывали переписка, в основном посвященная участию Словцова в журналах Спасского, а также полемика, организованная Вольным обществом любителей российской словесности по поводу «Летописи Сибирской», найденной Г.И. Спасским во время его 14-летних странствий за Уралом и изданной в 1821 г. За пределами весьма официального по своей тональности эпистолярия и упомянутой ученой дискуссии оказались пристрастные эскапады Словцова о своем петербургском коллеге, которые мы находим в письмах автора «Исторического обозрения...» к его ученику и другу И.Т. Калашникову. Иногда непростые повороты в отношениях двух крупнейших знатоков Зауралья позволяют обнаружить рефлексии о перспективах становления культуры и литературы в Сибири, о сущности и предназначении писателя, живописующего реалии восточного колониального мира Российской империи.

Система эстетических приоритетов, которых придерживался зрелый Словцов, была сложна сама по себе и, кроме того, изменялась во времени. Стилистическая доминанта его главных сочинений («Письма из Сибири», «Прогулки вокруг Tobольска» и «Историческое обозрение Сибири») восходила к традиции семинарской учености с ее тягой к замысловатой украшенности речи. По замечанию А.Н. Пыпина, «Словцов ничего не скажет спроста; напротив, он старается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборот, изысканное употребление и т.д.» [4. С. 661]. Однако церковно-риторические корни образованности ученого сочетались с ярко обнаружившими себя в 1790-е гг. антиклерикальными взглядами, затем, в период зрелого творчества 1810–1840-х гг., сменившимися философским провиденциализмом, который был созвучен поэтам-романтикам, хотя восходил все к тому же корню – образованию, полученному в Александро-Невской семинарии, сдружившей Словцова на всю жизнь с М.М. Сперанским, носителем тех же настроений. Тем не менее требование к художественности слога было неизменной составляющей эстетических воззрений писателя, который, не-

смотря на академизм большинства своих работ, тщательно развивал художественное видение мира. Непростой баланс художественности, подразумевающей вымысел, нелинейность композиции текста, стилистические ухищрения, и научного мировоззрения, предполагающего в идеале описание и анализ действительности «как она есть», лучше всего виден в оценках Словцовым научно-литературных трудов своих современников – Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого и, естественно, ближайшего соратника Г.И. Спасского.

Особый интерес, с которым встретило всё русское общество «Историю» Карамзина, был присущ также и сибирскому писателю. Впрочем, свою оценку Словцов сопровождает оговорками. Во-первых, применительно к Сибири его не устроила источниковая база Карамзина, опиравшегося при описании деяний Ермака на Строгановскую летопись, предоставленную ему в 1820 г. Г.И. Спасским¹. «Также без строгого рассмотрения, – пишет Словцов И.Т. Калашникову 14 сентября 1821 г., – он (Н.М. Карамзин. – К.А.) по части Сибири предпочел Летопись Сибирскую, Спасским изданную, именуя ее в прибавлениях Строгановским списком» [7. Ед. хр. 100. Л. 45 об. – 46]². Во-вторых, Словцов остался недоволен беллетристическо-повествовательной установкой Карамзина, излишней, по мнению сибирского автора, в ученом труде. В 1830 г., хваля поначалу «Историю русского народа» Полевого, Словцов противопоставляет его Карамзину именно как историка – беллетриста.

Чтобы почувствовать лучше бедность Карамзина, прибегающего в повествовании к искусству красноречия, надобно только по прочтении Полевого повторить какое-нибудь княжение из Карамзина. Я для сравнения прочитал Владимира и вполне понял, что Карамзин изображает вел<иких> князей также в коронах и во всех регалиях, как эти бродяги изображаются на выдуманных слепках, то сургучных, то оловянных [7. Ед. хр. 102. Л. 36 об.].

Впрочем, позднее отношение к Полевому изменится: в письме от 12 августа 1833 г. Словцов назовет автора «Истории русского народа» «лжеименным публицистом» и упрекнет его в том, что «вся идея его Истории есть идея – перечить Карамзину: вот идея у него – собственная, а прочее собирается из разных лоскутьев» [7. Ед. хр. 103. Л. 9.].

Любопытно однако, что, укорив Карамзина за излишества в «искусстве красноречия», Словцов противопоставляет себя Спасскому именно как художника – скучному академическому педанту. Ситуация осложняется еще и тем, что сам Спасский, благодарный Карамзину за признание аутентичности его, Спасского, находки – Строгановской летописи – отзывался об изящном стиле Карамзина с подчеркнутым пиететом. Так, комментируя публикуемый манускрипт, Спасский противопоставляет сибиреведов прошлого Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера Карамзину и отмечает: «Но оба сии Историка опустили <...> многие подробности Летописей, важные и любопытные для нас, Рус-

¹ Об отношениях Спасского и Карамзина см.: [5]; [6. С. 125].

² Отношение П.А. Словцова к трудам Карамзина и Полевого уже рассматривалось Н.К. Чернышовой [8].

ских, и которые столь искусно и столь трогательно умеет изображать отечественное перо нашего знаменитого Историографа» [9. С. 83]. Таким образом, получалось, что один сибирский писатель проповедовал необходимость художественных красот в историческом повествовании, но упрекал Карамзина за злоупотребления ими, а другой, демонстрировавший в собственных писаниях сухой и прагматический стиль науки XVIII в., за то же самое выдающегося историографа хвалил.

Несомненно, что в отношении Словцова к Спасскому было немало элементарной профессиональной ревности: тобольский ученый отлично понимал, что в вопросах истории Зауралья мало кто мог сравниться с ним и с хозяином «Сибирского вестника». Однако положение последнего как столичного издателя, весьма вероятно, уязвляло провинциального да еще и опального чиновника Словцова. Тем не менее характерно, что для борьбы с конкурентом Словцов избирает не только собственно академическое оружие (о нем см. ниже), но и эстетические оценки. Так, Н.К. Чернышова уже публиковала одну сентенцию Словцова из письма к И.Т. Калашникову от 8 июня 1822 г.: «Тетради мои можете отдать в Сибирский Вестник. <...> Впрочем, приходит на мысль и то, что за связь между моими тетрадями и Сибир<ским> Вестником, где язык и слог топорный? [8. С. 44]». Позднее последовала более жесткая инвектива. 17 апреля 1825 г. ученый пишет Калашникову о своей обиде на Спасского за чрезмерное, на взгляд Словцова, редактирование его рукописей:

...Но я недоволен, что такой ремесленник, как он (Спаский. – К.А.), мечтает выправлять мой слог, уже и без того потерпевший от руки пробирного мастера. Цензор есть этот мастер, и как эти рабочие смеют поправлять формы *художнические* (здесь и далее курсив наш. – К.А.)? <...> Я право не сердит на них, не чувствую в себе честолюбия авторского, но нельзя и смолчать всего [7. Ед. хр. 101. Л. 49–49 об.]³.

А за всем этим – давняя обида на Спасского, кажущегося Словцову монополистом сведений о Сибири в русской печати тех лет:

...в июне (1821 г. – К.А.) было мною послано опровержение на Лет<опись> Спасского. Вероятно, [нрзб.] что-нибудь упомянет по сей части в Соревнователе просвещения в июле или в августе. Мое намерение тогда было только то, чтобы воздержать Спасского от излишнего себе присвоения услуги для Сибири. Мне показалась такая с его стороны уверенность, что будто бы никто из Сибиряков ничего не знает [7. Ед. хр. 100. Л. 46–46 об.].

В марте 1821 г. Словцов становится почетным членом Вольного общества любителей российской словесности⁴. Летом он выступил с критикой только что опубликованной летописи, а 2 августа Спасский получил от Общества приглашение откликнуться на замечания историка [10. С. 120]. Если

³ В письме к Словцову от 8 февраля 1825 г. Спасский просил у него прощения за «старания Г<осподина> Цензора», и «маленькие со стороны моей замечания». См.: [10. С. 127]. Однако судя по приводимой здесь раздраженной реакции Словцова, разъяснения со стороны Спасского должного эффекта не возымели.

⁴ Письмо председателя общества С.П. Салтыкова Словцову с известием об избрании см.: [3. Ед. хр. 36].

документ, принадлежащий перу Спасского, опубликован недавно, то разбор текста летописи Словцовым известен давно: основные его положения были включены в «Письма из Сибири 1826 г.» (гл. XII) и остались в истории сибиреведения первым прецедентом «научной критики Строгановской исторической повести» [11. С. 172]. Столкновение Спасского и Словцова по поводу летописи имело не только узкоакадемическое значение: современному исследователю оно демонстрирует то, что в 20-е гг. XIX в. отдаленная от культурных центров периферия обрела свой голос в решении спорных интеллектуальных и культурных вопросов. Пусть на первых порах этот голос принадлежал одному только Словцову, но сама тенденция восставать против «излишнего себе присвоения услуги для Сибири» обозначилась довольно четко. Не случайно в научной литературе, посвященной Словцову, его творчество часто рассматривается как первый пример локального самознания, а сам он – как предтеча сибирских областников второй половины XIX в. [12]. Разумеется, областническая доктрина 1860–1870-х гг., ставь она каким-то образом известной Словцову, была бы им отвергнута, однако «в противоположную сторону» эта закономерность срабатывала с точностью до наоборот: Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым наследие Словцова было, по сути, присвоено в качестве фундамента их собственной теории – в такой степени, что имя тобольского историка зазвучало даже в следственных показаниях по известному делу «об отделении Сибири от России» 1865 г. [13. С. 175].

Любопытным фрагментом эстетических исканий «позднего» Словцова являются его попытки выработать жанровую стратегию своего творчества. И.Т. Калашникову принадлежит меткое замечание о жанрово-стилистической организации большинства писаний своего учителя. «...Сочинения его не имели взаимной систематической связи и состояли из разнообразных статей, из отрывчатых приливов мысли, произведений случайных, обнимающих разнородные предметы. Они скорее были беседами умного и просвещенного человека, чем серьезными занятиями ученого или литератора» [14. С. 385–386]. При всем том, что Калашников явно недооценивает серьезности текстов Словцова, «отрывчатость», «случайность», «разнородность» его произведений, создававшихся по большей части как ученые письма, затем группировавшиеся в циклы, отмечены справедливо. При этом на приведенную оценку Калашникова, которая прозвучала в позднейшем его сочинении, у Словцова давно был заготовлен своего рода ответ – удачно характеризующий синтетический жанровый идеал самого Словцова. 14 января 1822 г., просматривая очередной ученический опус своего молодого корреспондента, ученый посоветовал ему выработать адекватные для писателя-сибиряка авторскую позицию и предмет описания.

Возвращаю продолжение вашей фантазии, до половины выправленное, советую вам с тех пор, где поправки прежние, снова приняться за перо и пополнить сочинение беглым взглядом на всю полосу от Витима или Тунгусок до Урала. Вы тут будете иногда физическим Географом, иногда Созерцателем земледелия, иногда Естествословом, иногда судьей жителей [нрзб.] зол и пр. Только надобно помнить общую тему, что Сибирь несет печать отвержения [7. Ед. хр. 101. Л. 9].

Словцов явно хочет от Калашникова соединения научного и литературного начал в одном повествовательном контуре, который, судя по всему, должен соответствовать популярному в конце XVIII – начале XIX в. жанру литературного путешествия. При этом наверняка «Фантазия» будущего романиста, заглавие которой содержало пояснение «*меланхолический взгляд на Сибирь*», не устроила Словцова своей сентиментально-пафосной манерой, проникшей через год и в путевые записки Калашникова, рукопись которых испещрена нелицеприятными для автора пометами его ментора [7. Ед. хр. 5, 7].

Среди литераторов-ученых, к которым относился Словцов, установка на синтез наукообразия и художественности высказывалась и реализовывалась нередко⁵. Тем более типологически значима она в связи с творчеством автора, находящегося на колониальной периферии, ибо залог его успеха, согласно распространенному мнению, не столько в беллетристичности сочинения, сколько в познавательной ценности последнего. И если Калашников-романист будет впоследствии стремиться к первому, за что навлечет на свою голову суровую критику Белинского⁶, то Словцов трезво и прагматично будет следовать второму, последовательно выдерживая баланс позитивного знания и эстетических красот. Преобладание вымысла, сюжетности, занимательности делало возможным рождение под пером Калашникова первого – пусть и весьма неоднозначного – опыта «сибирского» романа; напротив, тяготение к «созерцанию» и «естествословию» оставляло Словцова в пределах рожденных предшествующей эпохой жанров писем, путешествия и прогулки. Обращение к беллетристическим приемам было в случае с Калашниковым тем более объяснимым, что, живя в Петербурге, он занял по отношению к своей родине внешнюю позицию, которая открывала простор для мифологизации и идеологизации Сибири. Живший в Иркутске и Tobольске Словцов был этой возможности лишен, так как прекрасное знакомство с восточными окраинами империи делало его не падким на экзотику «экскурсантом» (таким был столичный читатель романов Калашникова), а скорее компетентным «экскурсоводом» по различным местностям Урала и Сибири. Эта «погруженность» в мир сибиряков, настойчиво выстраиваемая позиция наблюдателя местной жизни «изнутри» и подсказали впоследствии областникам мысль причислить Словцова ретроспективно к лагерю местных «патриотов».

В этом смысле любопытна влияющая как на художественное, так и на историографическое творчество Словцова рефлексия о самой Сибири. Иногда, особенно на дальних подступах к своей главной теме, писатель позволял себе замечания в сентименталистском духе, невольно совпадая со словопотреблением Калашникова. Например, в письме от 1 сентября 1823 г. сказано, что «...Сибирь всегда будет представлять *меланхолический* взгляд для душ чувствительных» [7. Ед. хр. 101. Л. 27 об.]. Однако в 1836 г., обосновывая свою авторскую позицию как историографа, ученый предельно дистан-

⁵ См. об этом на примере творчества О.И. Сенковского в недавней работе Е.А. Тозыяковой [15. С. 14 и сл.].

⁶ Отзывам Белинского о сибирских писателях посвящена специальная работа О.Г. Постнова [16].

цировался от самой возможности привнести художественные тенденции в итоговый для себя текст. Мифологизаторская установка, свойственная историческим нарративам иногда даже в большей степени, чем художественным, Слозцовым была решительно отвергнута. Столь рельефно выраженный в многочисленных произведениях XVIII – начала XIX в. фактор отдаленного пространства, навевающего «меланхолические» чувства, явно уступал место восприятию Сибири как скучного захолустья.

...Занимаюсь Обзорением историческим Сибири, делом довольно трудным, где требуется строгость, а не фантазия [7. Ед. хр. 103. Л. 19 об.].

Я занимаюсь обзорением Сиб<ирской> истории только после обеда, и не спешу. Вы (И.Т. Калашников. – К.А.) полагаете, что писать здешнюю историю есть наслаждение, напротив в ничтожной ткани ничтожных происшествий одна скука <...> Поэтому Миллер и Фишер, кажется, бросили ее. Я принялся за эту работу за тем, что не нашел других занятий, а читать книги недостает у меня зрения. Посмотрим, далеко ли уеду [7. Ед. хр. 103. Л. 21 об.].

Слозцов здесь снова находится в явном раздражении и невольно лукавит: книг через И.Т. Калашникова он получал немало, читал, несмотря на проблемы со зрением, интенсивно и даже порицал своего петербургского корреспондента за нерасторопность в отсылке необходимых источников. Нарочитый прозаизм и отказ от «литературности» – это именно авторская позиция, обусловившая в конечном счете некоторые пассажи самого «Исторического обозрения», напоминающие, вообще говоря, литературно-эстетические заявления. «Признаюсь, у меня нет счастливого дара оживлять обыкновенные житейские хлопоты простого быта, ни выдумывать лучшую историю, как поэму» [17. С. VI]. Так, в конце жизни, создавая главную свою книгу, Слозцов снова проблематизировал прежде не раз выражавшийся им приоритет художественного, нечувствительность к которому он ставил в вину Спасскому. В соответствии с этим выстроилась и система литературных предпочтений позднего Слозцова. Так, в письме от 23 февраля 1834 г. под горячую руку попадает любимый Калашниковым Вальтер Скотт: «Для меня всех Русских романов, всех В. Скоттов любезнее повести Тика и Цшокке. Вот поэзия, которая долго теплится в душе моей, не знаю почему» [7. Ед. хр. 103. Л. 11]. Подобные ориентиры писателя и ученого недвусмысленно указывают на осозанный отход от «занимательной» вариации исторического повествования в сторону провиденциализма и дидактизма.

В заключение позволим себе несколько замечаний методологического характера. В современной научной дискуссии о сибирской словесности необходимо учитывать две тенденции. С одной стороны, исследователь должен понимать, что родившаяся в пылу идеологической полемики областников с их противниками во второй половине XIX – начале XX в. идея сибирской литературы является звеном в долгой истории концептуализации самой Сибири как особой геокультурной реальности. Оснащение прежде начисто лишенного исторических смыслов и культурной традиции, едва заселенного и практически не освоенного пространства некими новыми историко-политическими ролями, выстраивание «сюжета» его отношений с импер-

ским центром предполагало, в числе прочего, создание образа местного интеллигента-«патриота», обладающего специфическими интересами в области эстетики и производящего на свет особую «локальную» словесность. Воображение пространства рано или поздно привело бы (и в конечном счете привело) к воображению литературы. Этим обстоятельством объясняется тот очевидный факт, что, подобно головастику, словесность областников состоит из огромной «головы», включающей в себя политическую публицистику, критику, эпистолярный, и едва заметной художественной традиции (показательна история единственного романа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане», не состоявшегося в 1870-е гг., а ныне усилиями исследователей отыскиваемого в архивах и по частям публикуемого [18] [19]). В этом отношении помещение в областнический контекст наследия П.А. Словцова является эпизодом в череде попыток самих областников отыскать в толще местной истории своих предшественников – носителей похожих идей, духовных ценностей и нюансов психологии.

С другой стороны, безотносительно к позднейшим примерам конструирования литературной истории Сибири культурные импульсы, посылаемые центром на отдаленную восточную периферию империи, стали в начале XIX в. заметно сильнее – и личность П.А. Словцова в этом отношении исключительно интересна. Некоторые принципиальные особенности культурного «лика» образованного русского человека на окраине национального мира, его ценностных, философских, художественных, эмоциональных ориентиров могут быть изучены на примере Словцова весьма результативно. И здесь, как представляется, работает несколько иной механизм, нежели тот, который был задействован в столь присущем областничеству «воображении» Сибири. Феномен Словцова едва ли был бы возможен без всеобъемлющего взаимодействия (вплоть до раздраженно-личностных и обостренно-конкурентных чувств) с ближайшими соратниками в «центре», неизменного впитывания образцов столичной журналистики и изящной словесности. Культурное донорство, постоянное реципирование текстов, сюжетов, идей, а со временем (в случае с декабристами) и людей – вот что определяло становление пишущего человека, литератора окраины России. Собственно, возникновению продуманной областнической программы должен был предшествовать период накопления культурного потенциала как такового, создания самого прецедента культурной работы на окраине. Характерно, что Словцов продемонстрировал чрезвычайно широкий диапазон своих творческих практик: от политической проповеди до природоописания, от поэзии до историографии – культурный вакуум периферии потреблял, в общем, всё. Деятельность жившего в столице Спасского оказалась гораздо более профессионализирована – напротив того, лишенный насыщенного местного «контекста» Словцов при всей его личной замкнутости и аскетизме, при его старомодном желании публиковаться анонимно, при странном решении забрать тираж «Исторического обозрения» из Петербурга назад в Тобольск, не оставив в продаже ни экземпляра, превратился в историко-культурной перспективе не просто в ученого профессионала, но в бесспорного просветителя Сибири. И в этом отношении феномен Словцова категорически не может быть описан в методологической парадигме современной регионалистики с господствующей

щей в ней тенденцией созидать в угоду конъюнктуре «своей», изолированные, ни на что не похожие литературы (и истории – см. [20. С. 24–27]) края, области, города – вплоть до предельно дискретных, местечковых, а в сущности – искусственных образований.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Поэзия 1790–1810-х годов // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 324–371.
2. *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 383–445.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 702. Оп. 1.
4. *Пыпин А.Н.* Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. 1888. Кн. 7, т. 4. С. 622–668.
5. *Янушкевич А.С.* Письма Г.И. Спасского к Карамзину // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года: Сб. науч. тр. М., 1992. С. 164–169.
6. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.
7. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Ф. 120. Оп. 1.
8. *Чернышова Н.К.* Словцов и книга // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. Новосибирск, 1990. С. 27–47.
9. *Летопись* Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими при Царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821.
10. *Из рукописного наследия Г.И. Спасского / Публикация А.С. Янушкевича и К.В. Анисимова // Пространство культуры и стратегии исследования: Статьи и материалы о русской провинции: XX Фетовские чтения.* Курск, 2006. С. 109–146.
11. *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970.
12. *Степанов Н. П.А.* Словцов (у истоков сибирского областничества). Л., 1935.
13. *Дело об отделении Сибири от России / Публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; Сост. Н.В. Серебренников.* Томск, 2002.
14. *Калашников И.Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 255–396.
15. *Тозыякова Е.А.* О.И. Сенковский – барон Брамбеус: Принципы художественного ромоделирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.
16. *Постнов О.Г.* Белинский о литературе Сибири первой половины XIX в. // Сибирь: Литература. Критика. Журналистика: Памяти Ю.С. Постнова. Новосибирск, 2002. С. 40–64.
17. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири: В 2 кн. СПб., 1886. Кн. 2.
18. *Потанин Г.Н.* Тайжане: Историко-литературные материалы / Сост. Н.В. Серебренников. Томск, 1997.
19. *Ядринцев Н.М.* Из романа «Тайжане» / Публикация И.Ф. Юшина: Коммент. Н.В. Серебренникова // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 232–255.
20. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.